
18+

Елена К.
Хроматограмма вины

https://litres.ru/74816439
SelfPub; 2026

Аннотация

«Когда смерть прячется за сухими строками накладных, искать её приходится не в тёмных переулках, а в архивах»

В стерильных коридорах фармцентра «ФармтехИмэкс» наука сталкивается с бюрократией, а каждая подпись может стоить жизни. Следователь Елена Викторовна и её команда распутывают дело об убийстве, где улики — не отпечатки пальцев, а расхождения в документах, поддельные акты и дрожащий почерк на полях. Им предстоит прочесть между строк: от хроматограмм до служебных записок, от пропавших хомяков до тайных договоров девяностых.

Это детектив, где главный враг — система, привыкшая скрывать правду за печатями. Где сарказм — щит от паники, а честность — редкий, но решающий аргумент. Смогут ли они остановить того, кто верил, что безупречные бумаги защитят от любой расплаты?

Для поклонников умных детективов, где разгадка прячется в деталях, а напряжение растёт с каждой подписью.

Содержание

Глава 1. Тени в подъезде 5
Глава 2. Спокойствие, которое режет слух 15
Глава 3. След, которого не должно было быть 23
Глава 4. Решето, которое считалось герметичным 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Хроматограмма вины

От автора.

Все имена, фамилии, названия компаний, учреждений и должностей, а также описания событий, изложенные на страницах этого повествования, являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реально существующими людьми, организациями, локациями или документами — случайны и не имеют под собой фактической основы.

Данная история — художественный вымысел, не претендующий на документальность. Всегда ваша Елена К.

Глава 1. Тени в подъезде

Утро выдалось серым, как будто город заранее извинялся за всё, что предстояло увидеть. Елена Викторовна Гордеева остановилась у подъезда, поправила пальто и на секунду задержала дыхание — привычка, выработанная годами: перед входом на место преступления нужно было вытряхнуть из головы всё лишнее. Но сегодня это не получалось. Всю ночь шёл мелкий дождь, и теперь асфальт блестел, как мокрый линолеум в дешёвой поликлинике — тусклый, холодный, будто покрытый слоем чужой усталости.

Елена Викторовна посмотрела на часы: 08:47. Слишком рано для обычного выезда, но слишком поздно для того, чтобы считать это случайностью. Она знала: если труп находят утром, значит, он пролежал здесь всю ночь, и за это время подъезд успел «проглотить» и сохранить десятки чужих историй — шаги, шёпот, хлопанье дверей, чьи-то торопливые сборы. И теперь предстояло выудить из этого молчания хоть одну правдивую деталь.

Под козырьком подъезда стояла соседка — Тамара Петровна, та самая, что знала про всех всё и немного больше. Она куталась в вязаную шаль, потёртую на плечах, и смотрела на полицейских так, будто именно они были здесь чужаками. В её взгляде читалось не любопытство, а почти материнская обида: как же так, в её подъезде, где она тридцать

лет считала каждый шаг, случилось что-то непоправимое?

— А я говорила, — сказала Тамара Петровна, когда Елена Викторовна подошла ближе. — Говорила, что эта девочка ходит как по лезвию. Тихо, но быстро. Будто боится, что догонят.

Елена Викторовна кивнула, не вступая в спор. Спорить с теми, кто «знал заранее», было бесполезно. Это была особая категория людей: они не столько предсказывали беду, сколько потом не позволяли никому забыть, что они её предсказывали. И в этом была своя правда — не юридическая, а человеческая.

Она достала удостоверение, показала дежурному, коротко кивнула криминалистам и шагнула внутрь. В подъезде пахло сыростью, старым деревом и чем-то ещё — тем специфическим запахом, который появляется там, где долго не проветривают и слишком много живут. Это был запах чужой усталости, въевшейся в стены.

На лестничной площадке третьего этажа уже натянули ленту. Тело лежало у двери в квартиру 34 — Ирины Семёновой. Ирина лежала на боку, будто просто присела отдохнуть и уснула. Лицо было спокойным, почти детским. Никаких видимых повреждений. Ни крови, ни ссадин, ни следов борьбы. Только одна деталь выбивалась из этой обманчиво мирной картины: в вытянутой руке, почти зажатой между телом и стеной, белел обрывок бумаги.

Елена Викторовна присела на корточки, стараясь не за-

деть ничего лишнего, и вгляделась. На бумаге была всего одна фраза, написанная аккуратным, почти каллиграфическим почерком, но на языке, которого она не знала. Буквы напоминали арабскую вязь, но не совсем — в них чувствовалась другая логика, другая геометрия. Она не стала трогать записку, только запомнила наклон букв, плотность штриха, едва заметную дрожь в последней линии.

— Лингвиста надо, — тихо сказала она себе, но так, чтобы услышал оперативник, стоявший рядом. — И пусть проверят карманы. И сумку, если есть.

Оперативник кивнул и отошёл. Елена Викторовна ещё раз осмотрела место. Всё было слишком чисто. Слишком ровно. Как будто кто-то специально убрал все следы, которые могли бы выдать спешку или страх. Даже пыль на полу лежала так, будто её никто не тревожил. Это и было самым подозрительным.

В этот момент из-за спины раздался спокойный, чуть глуховатый голос:

— Елена Викторовна, я тут.

Это был Аркадий Львович Мельников, судмедэксперт с тридцатилетним стажем, человек, который умел видеть в теле не просто набор тканей, а историю жизни и смерти. Он был невысок, носил старомодные очки в тонкой оправе и говорил так, будто каждое слово нужно было экономить.

— Что скажете? — спросила Елена Викторовна, поднимаясь.

Мельников присел рядом с телом, достал лупу, осмотрел кисть, шею, лицо. Потом аккуратно приподнял веко.

— Видимых травм нет, — проговорил он. — Никаких следов удушения, ударов, порезов. Но есть нюанс. Смотрите на зрачки — они умеренно сужены. Это не типично для естественной смерти. Плюс лёгкая цианотичность губ — признак гипоксии. Скорее всего, смерть наступила от остановки дыхания.

— Отравление? — уточнила Елена Викторовна.

— Не исключено. Но не яд в классическом понимании. Возможно, препарат, угнетающий дыхательный центр. Или газ. Или комбинация. Точный ответ даст токсикология, но я бы не исключал фармакологический след.

Елена Викторовна нахмурилась. Отравление без следов — это всегда сложно. Особенно если убийца знал, как скрыть улики.

— Ещё момент, — добавил Мельников, указывая на запястье. — Видите микроскопические проколы? Почти незаметные. Как от очень тонкой иглы. Не от капельницы — слишком точечно. Кто-то вводил что-то подкожно. Или внутримышечно. Очень аккуратно.

Елена Викторовна сделала пометку в блокноте. Теперь картина становилась ещё сложнее: не просто смерть, а тщательно спланированное убийство, где даже следы укола были почти невидимы.

— Елена Викторовна! — к ним подошёл стажёр, держа

в руках прозрачный пакет. — В кармане нашли ещё один клочок. Билет. На поезд. Дата — вчера.

Елена Викторовна взяла пакет, всмотрелась. Билет был на вечерний рейс, но не до конечной станции, а до промежуточной. И время отправления совпадало с тем, когда, по словам соседей, Ирина должна была быть дома.

— Значит, она собиралась уехать, — пробормотала Елена Викторовна. — Или хотела, чтобы кто-то так подумал.

Тамара Петровна всё ещё стояла под козырьком. Когда Елена Викторовна вышла, женщина подалась вперёд, будто хотела что-то сказать, но осеклась.

— Вы ведь не думаете, что это… — начала она, но не закончила.

— Пока я ничего не думаю, — спокойно ответила Елена Викторовна. — Я смотрю.

И это было правдой. В её работе думать начинали только тогда, когда факты выстраивались в цепочку. А пока были только обрывки: билет, записка, поза тела, слишком аккуратная для случайности.

На обратном пути она достала телефон и набрала номер коллеги — старого друга, который когда-то работал с лингвистами и мог подсказать, к кому обратиться. Пока шли гудки, она смотрела на окна дома напротив. В одном из них мелькнула тень — кто-то стоял и наблюдал. Елена Викторовна не стала делать вид, что не заметила. Просто запомнила окно: третий этаж, крайнее слева, рама чуть перекошена.

«Сначала факты, — повторила она про себя. — Потом — мысли».

Пока она шла к машине, мысли начали потихоньку собираться, как капли воды на стекле. Билет — это план или имитация плана? Записка — предупреждение, угроза или просто обрывок чужой речи, случайно оказавшийся у неё в руке? И почему никто не слышал крика, если был удар? Или удара не было?

В голове уже складывался список задач: запросить выписку по банковской карте, проверить маршрут телефона, поговорить с коллегами по бюро переводов, найти того, кто видел Ирину последним. Но прежде всего — язык. Без понимания фразы на записке всё остальное было лишь набором совпадений.

Сев в машину, Елена Викторовна достала блокнот и записала то, что успела заметить:

поза тела — неестественно спокойная;

билет — промежуточная станция, вечернее время;

записка — неизвестный язык, аккуратный почерк;

дверь — приоткрыта, но не взломана;

окно напротив — кто-то наблюдал;

микропроколы на коже — признак инъекции;

зрачки и цианоз — вероятная причина смерти: угнетение дыхания.

Это были не улики. Пока это были только вопросы. Но именно с вопросов и начиналось расследование.

По дороге в управление она думала о том, как странно устроена человеческая память: мы запоминаем не главное, а детали. Запах подъезда, шаль соседки, перекошенную раму — и именно эти мелочи потом помогают отличить правду от лжи.

Когда она вошла в кабинет, на столе уже лежала папка с первичными данными. Елена Викторовна села, открыла её и начала читать, отмечая каждое несоответствие, каждую странность, каждый намёк на то, что за этим делом скрывается не просто преступление, а чья-то тщательно спрятанная история.

Но прежде, чем углубиться в документы, она набрала ещё один номер.

— Алло, Фаина? Это Гордеева. Слушай, мне нужна твоя помощь. Есть записка на неизвестном языке. Можешь подсказать, к кому лучше обратиться? Желательно к тому, кто специализируется на редких диалектах и мёртвых языках.

Фаина Руслановна Зарипова, старший научный сотрудник Института востоковедения, была не просто лингвистом — она была человеком, который мог по одной букве определить регион, эпоху и даже социальный статус писавшего. Её знания были бесценны для следствия, когда речь шла о текстах, выпадающих из привычного контекста.

— Подожди, — голос Фаины звучал устало, но заинтересованно. — Ты говоришь, вязь, но не арабская? Есть какие-то особенности?

Елена Викторовна быстро продиктовала описание: наклон букв, плотность штриха, странную геометрию.

— Хм… — протянула Фаина. — Похоже на курдскую письменность, но модифицированную. Или на диалект, который почти исчез. У нас в институте как раз работает молодой исследователь, Тимур Асанов. Он занимается исчезающими языками Кавказа и Ближнего Востока. Я его предупрежу. Пусть ждёт тебя.

Елена Викторовна поблагодарила и положила трубку. Теперь у неё был не просто список задач, а конкретный путь: сначала — к Тимуру Асанову, потом — к токсикологам, затем — к коллегам Ирины.

Тимур Асанов оказался молодым человеком лет тридцати, с внимательными, чуть прищуренными глазами и привычкой крутить в пальцах карандаш. Он сидел в тесном кабинете, заваленном книгами и распечатками, и выглядел так, будто только что вернулся из экспедиции.

— Да, я видел фото записки, — сказал он, когда Елена Викторовна вошла. — Это не классический курдский. Это диалект, на котором говорили в одном из горных районов Ирана лет пятьдесят назад. Сейчас носителей почти не осталось. Фраза… — он помолчал, подбирая слова. — Она звучит как предупреждение. Дословно: «Не возвращайся туда, где тебя не ждут».

Елена Викторовна замерла.

— То есть это угроза? — переспросила она.

— Или совет, — уточнил Тимур. — Зависит от контекста. Но сам факт, что кто-то использовал именно этот диалект… Это не случайность. Это послание для конкретного человека. Или попытка запутать следы.

Елена Викторовна записала перевод, чувствуя, как в голове начинает складываться новая версия: Ирина знала что-то, что могло быть опасно. И кто-то хотел её остановить.

По дороге обратно она заехала в лабораторию. Доктор Кирилл Семёнович Воронов, токсиколог, встретил её в белом халате, с усталым, но живым взглядом.

— Мы ещё не закончили полный анализ, — сказал он. — Но первые данные есть. В крови обнаружен препарат, который редко встречается в клинической практике. Это синтетическое вещество, угнетающее дыхательный центр. Его используют в очень узких медицинских протоколах. Получить его непросто.

— То есть это не случайная передозировка? — уточнила Елена Викторовна.

— Нет, — покачал головой Воронов. — Доза была рассчитана точно. Кто-то знал, сколько нужно, чтобы остановить дыхание, но не оставить явных следов. Это работа профессионала. Или человека, который очень хорошо разбирается в фармакологии.

Елена Викторовна снова посмотрела в свой блокнот. Теперь к картине добавились новые штрихи: профессиональный подход, редкое вещество, предупреждение на исчезаю-

щем диалекте. Это было не бытовое убийство. Это была тщательно спланированная операция.

Вечером, вернувшись домой, она застала маму на кухне — та стояла у плиты и что-то помешивала в кастрюле, стараясь выглядеть спокойной.

— Ты поздно, — сказала мама, не оборачиваясь. — Опять работа?

— Да, — ответила Елена Викторовна, снимая пальто. — Дело сложное.

Мама вздохнула, но ничего не сказала. Она давно привыкла к тому, что дочь приносит домой не истории о хороших днях, а обрывки чужих трагедий.

— Поешь, — тихо предложила она. — Я суп сварила.

Елена Викторовна села за стол, чувствуя, как усталость наваливается тяжёлым плащом. Но даже сейчас, в тишине кухни, в запахе домашнего супа, она продолжала прокручивать в голове детали: билет, записку, микропроколы, предупреждение.

«Кто-то очень хотел, чтобы Ирина не вернулась, — подумала она. — Но куда? И почему?»

Завтра предстояло поговорить с мужем Ирины, с её коллегами, с теми, кто мог знать, куда она собиралась. А ещё — проверить, не было ли у неё связей с людьми, знакомыми с редкими языками и редкими препаратами.

Дело только начиналось.

Глава 2. Спокойствие, которое режет слух

Комната для допросов была устроена нарочито нейтрально: стол, стулья, лампа с матовым плафоном, которая давала ровный, почти больничный свет. Никаких картин, никаких отвлекающих деталей — только стены цвета остывшего чая и ощущение, что время здесь течёт иначе. Елена Викторовна села напротив Алексея, мужа Ирины, и на мгновение задержала взгляд не на лице, а на его руках. Они лежали на столе спокойно, чуть расставленные, как у человека, привыкшего к порядку. Ни дрожи, ни стиснутых кулаков — ничего из того, что обычно выдаёт напряжение.

Алексей выглядел так, будто пришёл не на допрос, а на плановый разговор с управляющим домом: выглаженная рубашка, часы с простым циферблатом, взгляд прямой, но не вызывающий. Он не ерзал на стуле, не тянулся за водой, не отводил глаза. И именно это спокойствие царапало.

— Алексей Дмитриевич, — начала Елена Викторовна ровно, без нажима. — Вы понимаете, зачем вас сюда пригласили?

— Понимаю, — ответил он без паузы. — Моя жена мертва. И вы хотите знать, где я был и что видел.

Голос был ровным, без надрыва. Не актёрская выдержка,

а какая-то внутренняя собранность, будто он заранее отрепетировал не эмоции, а именно эту ровность.

— Расскажите, пожалуйста, как прошёл ваш вчерашний день. С самого утра.

Алексей чуть наклонил голову, словно припоминая не события, а формулировки.

— Утром я отвёз Иру на работу. Она просила завезти её пораньше — говорила, что у неё встреча с клиентом. Я высадил её у бюро переводов, вернулся домой, собрал чертежи для совещания, потом поехал в офис. Совещание было с десяти до двенадцати. Потом — звонки, согласования, выезд на объект. Вернулся поздно, около десяти. Дверь в квартиру была приоткрыта. Я подумал, что Ира забыла закрыть. Зашёл — её не было. Позвонил ей — телефон не отвечал. Потом… потом появились соседи, полиция. Остальное вы знаете.

Елена Викторовна слушала, не перебивая. Она не записывала за ним слово в слово — она фиксировала паузы, интонации, микрореакции. И вот что её насторожило: он ни разу не назвал её «жена» с болью или с привычкой. Просто «Ира». Как будто это было имя коллеги, а не любимой женщины.

— Вы сказали, что отвезли её на работу. А почему именно вы? Обычно она ездила сама?

Алексей на секунду замер, словно споткнулся о простой вопрос.

— Обычно — да. Но в тот день она просила. Говорила,

что устала, плохо спала.

— А вы не спросили, почему?

Он чуть пожал плечами.

— Спросил. Она сказала — дедлайны, нервы. Я не стал давить. У неё бывали такие периоды.

— Какие периоды?

— Когда она замыкалась. Много работала, мало говорила. Иногда пропадала на пару часов, говорила — «нужно проветриться». Я привык.

Елена Викторовна сделала пометку в блокноте: «проветриться — куда? когда?»

— Скажите, Алексей Дмитриевич, вы знали, что у Ирины был билет на поезд?

Это был пробный выстрел. Она смотрела не на лицо, а на реакцию зрачков, на то, как изменится дыхание. Алексей моргнул — один раз, медленно. Но не побледнел, не напрягся.

— Нет, — сказал он спокойно. — Не знал.

— И вы не заметили, что она собирала вещи? Или что что-то изменилось в её поведении?

— Ничего не заметил, — повторил он. — Ну, может, она была чуть тише обычного. Но это не редкость.

Елена Викторовна кивнула, будто принимая ответ, хотя внутри всё кричало: слишком гладко. Слишком ровно.

— Хорошо. Тогда скажите вот что. Вам знаком этот язык? — Она положила перед ним фото записки, которую нашли

в руке Ирины.

Алексей наклонился, всмотрелся. Его брови чуть сдвинулись — не от узнавания, а от усилия разобрать незнакомые символы.

— Никогда такого не видел, — сказал он. — Это какой-то восточный?

— Да, — подтвердила Елена Викторовна. — Диалект, который почти исчез. Фраза переводится как «Не возвращайся туда, где тебя не ждут».

Она наблюдала за ним. Если он знал смысл, он мог выдать себя хоть микрожестом — вздрогнуть, отвести взгляд, сжать пальцы. Но он просто кивнул.

— Звучит как предупреждение, — заметил он. — Или как цитата. Ира любила необычные фразы. Иногда выписывала их в блокнот.

— У вас есть доступ к её блокнотам?

— Есть. Дома. Хотите, я принесу?

— Позже, — сказала Елена Викторовна. — Сейчас мне важно понять: кому могла быть адресована эта фраза? Кому она могла помешать?

Алексей помолчал, будто подбирая слова, которые не прозвучат как обвинение.

— Ира была закрытым человеком, — сказал он наконец. Потому что берегла себя. У неё были старые обиды — с семьёй, с бывшими коллегами. Но я не думаю, что кто-то хотел ей зла. Скорее… скорее она боялась не людей, а воспо-

минаний.

Елена Викторовна чуть наклонила голову. Это было уже ближе к правде — или к его версии правды.

— А что за воспоминания?

— Её бабушка, — сказал Алексей, и впервые в его голосе появилась лёгкая шероховатость, будто слово царапнуло изнутри. — Она умерла несколько лет назад, но Ира долго не могла отпустить эту историю. Бабушка жила в маленьком городе, там было что-то… неприятное. Ира никогда не рассказывала толком, но я чувствовал, что это её гложет.

Елена Викторовна вспомнила дом культуры в пригороде, о котором шла речь в материалах. И старую квартиру бабушки, куда Ирина ездила одна, никого, не беря с собой.

— Вы бывали там? В том городе?

— Один раз, — признался Алексей. — Ира поехала навестить могилу, я увязался за ней. Там… странная атмосфера. Все друг друга знают, все помнят. И смотрят так, будто ты пришёл не попрощаться, а что-то украсть.

Елена Викторовна записала: «город, дом культуры, могила бабушки — возможная связь».

— Скажите, Алексей Дмитриевич, а вы умеете обращаться с лекарствами? — спросила она вдруг, меняя вектор. — Может, у вас есть медицинское образование? Или опыт?

Вопрос был прямым, почти грубым, но она хотела увидеть, как он отреагирует на резкую смену темы. Алексей не вздрогнул.

— Нет, — ответил он. — Я инженер. Максимум, что я знаю — как открыть упаковку от таблеток. Почему вы спрашиваете?

Елена Викторовна не стала раскрывать карты.

— Просто проверяем все версии. В крови Ирины обнаружен препарат, который сложно достать. Он угнетает дыхание. Доза была рассчитана точно.

Теперь он всё-таки изменился. Не резко, не театрально — но в глазах мелькнуло что-то, похожее на холод. Не страх, а… понимание. Будто он услышал не новость, а подтверждение чего-то, о чём давно догадывался.

— То есть её убили, — проговорил он медленно. — Не случайность. Не передозировка.

— Да, — сказала Елена Викторовна. — Убийство. Тщательно спланированное.

Он опустил взгляд на свои руки, будто увидел их впервые. И тогда — только тогда — пальцы чуть сжались, а потом снова расслабились. Как будто он усилием воли вернул себе контроль.

— Тогда я хочу знать, кто это сделал, — сказал он тихо, но твёрдо. — И я готов помочь.

Елена Викторовна откинулась на спинку стула. Она не верила в абсолютную искренность, но верила в мотивы. И у него был мотив — не только горе, но и потребность знать правду. Даже если эта правда окажется невыносимой.

— Спасибо, — сказала она. — Это важно. Но пока я про-

шу вас не уезжать из города и быть на связи. Если вспомните что-то — любую мелочь, даже если она кажется неважной, — звоните сразу.

Он кивнул, поднялся, поправил рубашку — жест, в котором было больше привычки, чем волнения. И уже у двери остановился.

— Следователь… Елена Викторовна, да? Скажите… а эта записка. Вы думаете, она связана с тем городом? С прошлым её бабушки?

— Пока не знаю, — честно ответила она. — Но это одна из версий.

Когда дверь за ним закрылась, Елена Викторовна ещё несколько секунд посидела в тишине. Потом достала блокнот и дописала:

«Спокойствие Алексея — неестественное. Либо он отличный актёр, либо знает больше, чем говорит.

Упоминание города и бабушки — важно. Нужно проверить архивы, старые дела.

Билет — имитация побега? Или реальный план?

Препарат — узкий круг доступа. Проверить знакомых с медицинским бэкграундом.

Диалект — слишком специфичен. Кто мог знать его и зачем использовать?»

Она закрыла блокнот и посмотрела на лампу. Свет по-прежнему был ровным, но теперь он казался не нейтральным, а холодным. Как будто комната знала больше, чем хо-

тела показать.

Глава 3. След, которого не должно было быть

В управление Елена Викторовна вернулась к четырём часам. Кабинет пах остывшим кофе и бумагой; на столе мигала лампа, напоминая, что рабочий день у других давно кончился. Но у неё начиналась самая нудная, самая бескомпромиссная часть работы — та, которая никогда не попадает в сериалы: поиск источника.

Препарат, найденный в крови Ирины, был ключом. Не к мотиву — к логистике. Любая вещь в этом мире имеет происхождение: завод, партию, склад, аптеку, рецептурный бланк. И пока вещество существует в реальности, у него остаётся след. Вопрос был только в том, насколько глубоко этот след зарыт.

Прежде чем что-то искать, нужно было знать, что именно искать. Елена Викторовна снова поехала в лабораторию — к Кириллу Семёновичу Воронову.

Тот встретил её уже не в холле, а прямо у аналитической: перед ним на экране медленно ползла хроматограмма — зубчатая линия, похожая на кардиограмму чужого несчастья.

— Есть прогресс, — сказал он вместо приветствия. — Мы сняли полные масс-спектры. Теперь могу назвать вещество не «препарат группы Х», а по имени.

— Слушаю.

— Зопиклоидоподобное соединение, но не аптечный зопиклоид. Это молекула из последней фазы клинических исследований — так называемый «third-generation Z-drug». Рабочий индекс — ЗЛ-214. Международного названия у него ещё нет, зарегистрирован он только для исследовательских программ. Официально — купить нельзя, по рецепту нельзя, в аптеки не поступал.

Елена Викторовна присела на стул у стола, чувствуя, как внутри холодеет — привычное ощущение, когда дело перестаёт быть «бытовухой».

— То есть в легальном обороте его нет?

— Практически нет. Три варианта. Первый — клинические исследования: несколько фармкомпаний вели испытания схожих молекул, но по документам испытания в России не проводились. Второй — лабораторный синтез: кто-то с соответствующей квалификацией и доступом к прекурсорам мог получить вещество сам. Третий — контрабанда из-за рубежа: где-то оно произведено промышленно, но вывезено не через таможню, а мимо неё.

— Что предпочтительнее для убийцы?

Воронов снял очки, протёр их краем халата — жест, который у него означал, что вопрос ему понравился.

— Для убийцы — что угодно, лишь бы след был коротким. Но вот что важно: доза в крови Ирины была чистой, без примесей. Ни следов стабильности, ни продуктов деграда-

ции от плохого хранения. Значит, вещество либо свежесинтезированное, либо хранилось в идеальных условиях — ампула, низкая температура, инертная среда. Это не подпольная кухня. Это кто-то, кто умеет работать с молекулами.

— Список организаций, у которых был доступ к ЗЛ-214, можно получить?

— Это не моя юрисдикция, но направление я знаю: регистр клинических исследований, разрешительные документы на обращение новых субстанций, и — если вещество попало в страну — документы на ввоз для научных целей. Запросы нужно делать официально. И быстро, пока бумаги не начали «переезжать» из папки в папку.

Елена Викторовна записала три магических слова: *регистр, разрешение, ввоз*. Иногда всё расследование держится на трёх словах.

Запросы ушли наутро — в Минздрав, в Росздравнадзор, в несколько исследовательских центров. А пока бюрократическая машина разгонялась, Елена Викторовна занялась тем, что можно было проверить немедленно: аптеками.

На первый взгляд — абсурд. Препарат в аптеках не значился, значит, аптеки ни при чём. Но она давно усвоила правило: если вещество не существует в официальных списках, нужно смотреть не на то, что продаётся, а на то, что продаётся рядом. ЗЛ-214 не мог появиться из воздуха: для его синтеза или изготовления готовой формы нужны вспомогательные вещества, растворители, специфическая тара. А вот они

— покупаются.

Подключить к этой работе она решила нового человека — Марину Олеговну Дудину, старшего оперуполномоченного отдела по борьбе с контрафактными лекарствами. Марина была из той породы следователей-прикладников, которые знали фармацевтический рынок лучше, чем некоторые провизоры: какие сети «пилят» партии, где сбываются остатки больничных складов, у каких заведений рецептурный контроль держится на честном слове сорокалетней давности.

Она вошла в кабинет Елены Викторовны с папкой под мышкой и взглядом человека, который уже три ночи не спит, но доволен жизнью.

— Гордеева? Мне про ваше дело звонили. Скажу сразу: по основному веществу — глухо. Ни в одной легальной точке ЗЛ-214 не засветился. Зато есть интересное рядом.

— Слушаю.

— Смотрите. — Марина выложила на стол распечатки. — В последний месяц в трёх аптеках южного округа один и тот же человек покупал миорелаксант короткого действия из списка для анестезиологических протоколов — тот, который под усиленным рецептурным контролем. Покупал честно: по назначению врача, с бланком. Но у него было три бланка от трёх разных клиник, а диагноз в них — идентичный, слово в слово. Скажете, совпадение?

— Скажу, что кто-то плохо старался.

— А теперь самое вкусное. — Марина понизила голос.

— В этих же трёх аптеках за неделю до того для парентерального введения, стерильная, мелкая фасовка. Именно его используют, когда разводят лиофилизат или концентрат для инъекций. То есть покупали не для лечения. Покупали под манипуляцию.

— А человек, который это покупал?

— Личность установлена. Мужчина, сорок один год, работает… — она сделала театральную паузу, — медбратом в частной клинике, которая, между прочим, в прошлом году участвовала в проведении посмаркетинговых наблюдений за одной зарубежной фармацевтической компанией. По совместительству — лаборант в небольшом НИИ фармакологии. Совместительство. В одном здании с лабораторией, где есть полный доступ к субстанциям.

Елена Викторовна медленно подняла глаза. Совпадения в её профессии случались, но она не верила в них так, как не верила в Деда Мороза.

— Фамилия?

— Гринёв. Павел Сергеевич. И — держитесь за стул — в его трудовой книжке есть предыдущая запись: четыре года назад он работал в реабилитационном центре в том самом маленьком городе, где жила бабушка вашей Ирины Семёновой.

Тишина в кабинете стала плотной, почти осязаемой.

— Вы не шутите?

— Я никогда не шучу до восьми вечера, — невозмутимо

ответила Марина.

Елена Викторовна разложила перед собой лист и начала строить схему — старым дедовским способом, карандашом, потому что карандаш не зависит от сбоев в программе.

В центре — Ирина. Вокруг — ниточки, ведущие к «непонятно куда». И одна из ниточек вдруг обретала плоть: город, где жила бабушка, реабилитационный центр, медбрат с доступом к субстанциям, и — как выяснилось из запроса в регистр — исследовательская программа, в рамках которой ЗЛ-214 легально попадал в страну для научных целей. Пусть не в том количестве, не в той форме, но он существовал в обращении — просто документирован не как лекарство, а как «исследовательский образец».

Это было самое коварное: вещество, которого «нет», существовало на бумаге — просто не там, где искали. Оно числилось в актах внутреннего учёта НИИ, в журналах расходования субстанций, в накладных на списание. И любого, кто умел читать эти документы, встречала стена: всё чисто, всё расписано. Но Елена Викторовна знала: в учёте субстанций дырки — как в старом решете. Партия принята, но не полностью. Ампула разбита «случайно», списано «по акту», остаток «утилизирован». Ни одной строкой криминала не пахнет — пока не сложишь три акта вместе.

— Марина, — сказала она, — как быстро вы можете получить журналы учёта из этого НИИ?

— С санкцией — за день. Без санкции — нарушим уклад,

но быстрее.

— С санкцией, — сухо сказала Елена Викторовна. — И ещё. Мне нужно, чтобы вы деликатно, но внимательно посмотрели на Гринёва. Не тень на плетень, а аккуратный внешний мониторинг: где работает, с кем общается, не ездит ли туда, откуда мы с вами только что приехали.

— В маленький городок, где умерла бабушка? — Марина усмехнулась. — Уже интересно.

Вечером она снова заехала в лабораторию — уже не за цифрами, а за логикой.

— Кирилл Семёнович, скажите честно: если человек — медбрат по образованию, лаборант по совместительству — решил ввести Ирине эту субстанцию, как бы он это сделал? Технически.

Воронов задумался.

— Внутримышечно, тонкой иглой, в мышцу, где прокол виден хуже всего — плечо, ягодица. Доза смертельная — но не мгновенно: через пятнадцать–двадцать минут начинается угнетение дыхания. Человек идёт домой, поднимается на лифте, дойдёт до двери — и всё. Внешне это будет выглядеть как внезапная смерть на пороге. Никакой борьбы, никакого следа. Он знал, что она вернётся домой к девяти. Знал, что дверь она не всегда закрывает на ключ — соседи подтверждают.

— Значит, он был рядом. В тот вечер.

— Значит, он знал её расписание, — поправил Воронов.

— И, Елена Викторовна, вот что я вам ещё скажу. Если он лаборант — он мог и не добывать вещество для себя. Он мог быть только руками. А голова и заказчик — где-то рядом, в той же цепочке исследовательской программы. Проверьте, кто ещё имел доступ к хранилищу субстанций. Список сотрудников с правом доступа — это половина дела.

Елена Викторовна кивнула, записывая. Половина дела. Вторая половина — понять, зачем. Убийство ради лекарства не имеет смысла: вещество само по себе никому не нужно. Значит, нужно что-то другое. Что-то, что Ирина знала — или могла узнать.

Билет на поезд в никуда. Записка на исчезающем диалекте. Препарат из исследовательской программы. И город, где всё это началось много лет назад, когда бабушка Ирины ещё работала в том самом доме культуры.

Нити складывались в узор. Не в картину — пока только в узор. Но и это было уже больше, чем было утром.

Вещество опознано: ЗЛ-214, исследовательская субстанция, в свободном обороте отсутствует.

Существование в стране возможно в рамках исследовательских программ — документировано, но «невидимо» для обычной проверки.

Установлен человек с доступом к субстанциям и связью с нужным регионом: Гринёв П. С.

Он же покупал вспомогательные материалы под инъекцию — по трём поддельным на вид, но формально чистым

рецептам.

Предполагаемый механизм: внутримышечное введение за 15–20 минут до предполагаемого возвращения домой.

Гринёв мог быть «руками», а не заказчиком — проверить список сотрудников с правом доступа к хранилищу.

Связь с городом, где жила бабушка Ирины, — теперь не гипотеза, а рабочая линия.

Елена Викторовна закрыла блокнот. За окном зажигались фонари, и город внизу выглядел почти мирно — как всегда выглядит, когда кто-то в нём совсем недавно умер, а кто-то очень хочет, чтобы это осталось тайной.

«Руки мы найдём, — подумала она. — Вопрос — где голова».

Глава 4. Решето, которое считалось герметичным

НИИ фармакологии встретил их стеклянным фасадом, который выглядывал из-за старой кирпичной ограды, как новый зуб в старой челюсти. Реконструкция явно съела весь модернизационный бюджет: снаружи — глянцевая вывеска и отполированные панели, внутри, за парадной лестницей, начинались коридоры с облупившейся краской, где пахло бумагой, спиртом и эпохой, которой уже не было.

Марина Дудина шла чуть впереди, держа под мышкой тонкую папку — санитарная санкция на выемку документов, подшитая и заверенная, как положено. Елена Викторовна шла следом и привычно настраивалась: впереди была не погоня, не допрос, а самое важное сражение — с журналом учёта. В таких сражениях не бывает выигранного корпуса, бывает выигранная строчка.

— Только не выглядывайте оттуда, как комиссар в тылу врага, — тихо предупредила Марина на ходу. — Здесь нам ещё жить и работать. Я половину здешних завхозов знаю по облавам на контрафактный парацетамол. Держимся любезно.

— Со мной любезно не значит мягкотелая, — ответила Елена Викторовна.

— О, — Марина довольно прищурилась, — вы только что у меня выиграли очко. Я это дело ценю.

Документы о расходовании субстанций хранились у заведующей архивом — Ларисы Марковны Штейн, женщины лет пятидесяти пяти, в больших очках и кардигане цвета пыльной мимозы, которая, казалось, занимала весь кабинет вместе со стеллажами. Перед тем как их пустить к документам, она исполнила положенный ритуал: прочитала санкцию с той скоростью, с какой обычно читают малоприятное письмо от налоговой, вытянула губы и сказала:

— Третий раз за пять лет ко мне приходят с выемкой. Первый раз — по спирту. Второй — по изотопам. Теперь вот за субстанцией ЗЛ-214. Прямо закономерность какая-то.

— Закономерность, — согласилась Марина без всякого юмора, — называется «из года в год у вас что-то пропадает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.